

АРХЕОЛОГИЯ СССР. Свод археологических источников под общей редакцией Б. А. Рыбакова, выпуск Г1-11. *Терракоты Северного Причерноморья*. Отв. редактор М. М. Кобылина, М., 1970, I и II части, 123 стр., 96 табл.

Большим событием для специалистов, изучающих античную культуру на юге России, является выход в свет первого тома Свода терракот Северного Причерноморья. Это — первая полная классификация огромного количества терракот, проведенная с соблюдением хронологии, с указанием происхождения вещи и ее художественной и стилистической характеристикой. Свод — капитальный труд коллектива специалистов, работающих в Институте археологии АН СССР и в музеях страны, где находятся публикуемые предметы. Большинство авторов описывает терракоты, обнаруженные в процессе своих собственных раскопок. Поэтому в данный том оказались включенными совершенно новые терракотовые статуэтки, происходящие из 38 пунктов, существенно дополняющие общую картину.

В собрание включены также статуэтки, найденные ранее и хранящиеся в центральных и провинциальных музеях. Введение в свод статуэток, происходящих из старых раскопок, потребовало огромной работы по проверке их музейного паспорта и уточнению или добавлению недостававших о них сведений. В свод включены коллекции античных терракот, хранящиеся в ГЭ, ГИМ, ГМИИ и в ряде музеев юга. Количество приведенных в рецензируемом томе терракот, их фрагментов и форм достигает примерно 520, в научное пользование вводится, таким образом, огромный материал своеобразных источников. Публикация и описание в данном своде всех имеющихся коллекций терракотовых статуэток, как привозных, так и местных, из которых отдельные группы этих терракот были уже опубликованы в других изданиях, дает нам теперь полную картину, отражающую роль и значение терракоты в духовной жизни населения Северного Причерноморья в античную эпоху.

Настоящий том состоит из двух частей. В первую часть включены памятники, происходящие из античных центров северо-западного побережья Черного моря. Здесь публикуются терракоты с о-ва Левки, из Тирь, ряда городищ на Днестре, с о-ва Березани, Ольвии и ее округи. Во вторую часть вошли статуэтки из Херсонеса и территории, подчиненной Херсонесу — Прекрасной Гавани и ее округи, Керкинитиды, недавно открытых поселений в районе Евпатории, а также статуэтки из западной части Боспорского государства — Феодосии, Нимфея, Гиммерика и малых городов Боспора — Мирмекия, Тиритакки, Илурата и его окрестностей. Опу-

ликованы также своеобразные терракоты из сельскохозяйственных поселений западнее Пантикапея.

Свод открывается статьей ответственного редактора М. М. Кобылиной, в которой она характеризует развитие терракоты в Северном Причерноморье. Затем в отдельных статьях дается описание того или другого центра, откуда происходят терракоты, излагается история его раскопок и характеризуются в форме каталога основные и главные типы терракот, найденные в таком центре. Фактические данные о терракоте, сообщаемые в виде каталога, включают описание статуэтки, ее размер и цвет, качество глины, способ изготовления, ее время и место происхождения, сохранность, место хранения, инвентарный номер, литературу, где та или иная статуэтка опубликована. Аналогии к статуэткам позволяют включать данную вещь в круг близких ей памятников, происходящих из других мест. Упоминание о том, что описываемая терракота является привозной или местной, показывает, что свод отражает все типы терракоты Северного Причерноморья. Как видно по перечню вопросов, описание вещей дается полным и соответствует нормам, принятым в современных изданиях подобного типа¹.

Почти все терракоты, описанные в статьях, воспроизведены на отдельных таблицах, которых в книге свыше 90. Этот альбом терракот знакомит нас с многообразием типов и сюжетов терракот Северного Причерноморья. При обзоре таблиц очевидно огромное влияние мира греческих образов на местные художественные представления. Но мы видим также, что мастер-королласт не всегда слепо повторял привозные статуэтки богов и героев, а изображал их как бы в преломлении сквозь призму своего творчества и в рамках привычной ему природной среды. Так, богиню из Тирь он одел в меховую одежду и старательно передал в ней отдельные пучки шерсти (ч. I, табл. 4, 2). На других терракотах мы видим местные особенности одежды, сделанной из толстой ткани и образующей суммар-

¹ N. Breitenstein, *Catalogue of Terracottas*. Danish National Museum, Copenhagen, 1941; S. Mollard-Besques, *Catalogue raisonné des Figurines et Reliefs en terre-cuite Grecs, Etrusques et Romains*. Musée national du Louvre, 1954; R. A. Higgins, *Catalogue of the terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities*, British Museum, L., 1954.

ные складки, улавливается даже особая манера ношения одежды и своеобразие головных уборов. Переработка обычного образа, лежащего в основе той или иной греческой терракоты, сказалась и в изменениях пропорций фигур: они более приземисты, например, местная статуэтка девушки из Феодосии (ч. II, табл. 23, 7), черты лица крупнее, грубее отделка.

Такая переработка греческого типа шла не по линии обеднения его, а часто приводила к разнообразным вариантам, обогатившим лежащий в основе оригинал. Это видно на примере разработки терракотовой протомы. Таблицы альбома наглядно показывают, как варьировался образ богини в зависимости от наличия того или иного атрибута в ее руке или от ее головного убора, когда мастер наделял богиню признаками Афродиты или Деметры, Артемиды и Коры. Эти варианты привели к колебаниям у авторов статей данного свода в определении таких терракот. Так, в описании терракот из Ольвии одну протому определили как Кору (ч. I, табл. 32, 7), а в описании протом Керкинитиды совершенно такую же протому, вероятно отжигают в той же форме, другой автор назвал протомой Афродиты. Мастера достигали разнообразия и путем изменения положения рук, расположения складок покрывала и трактовки одежды, в передаче прически. По-видимому, отсутствие канонической схемы данного культового образа допускало некоторую свободу творчества.

Вместе с тем улавливаются определенные закономерности в иконографии местных протом. Так, протомы IV—III вв. до н. э. из Ольвии, Керкинитиды и Херсонеса имеют много общих черт, их объединяет форма расположения покрывала, спускающегося вниз и как бы обволакивающего левую руку, прижатую к груди. Другой образ имеют протомы из городов Боспора. Третий вариант дают протомы святилища на Майской горе, вблизи Фанагории, откуда происходят общегреческие, общепоспорские и местные варианты. К ним близки протомы из Кен.

Возможно, что на сложение этих вариантов оказали влияние не только культурные связи городов, но и наличие культовых статуй, находившихся в главных храмах этих двух районов — западных городов Северного Причерноморья и городов Боспора. Следует подчеркнуть, что среди терракот встречаются экземпляры, отличающиеся высоким мастерством исполнения. Это говорит не только об овладении этим видом художественного творчества, но и о талантливости мастера, о его развитом вкусе и вкусе потребителей его изделий.

Очень интересны терракоты Боспора II—IV в. н. э. Они позволяют заглянуть в мир религиозных представлений

сильно варваризированного населения и уловить некоторые черты его духовной культуры.

Замечательна группа ритуальных терракот. При всем своем схематизме, она отличается ярким своеобразием, какой-то внутренней общностью, достигавшейся единством принципа устройства и реалистической трактовкой их атрибутов: колос или печенье в руках, рыба, птица, иногда животное и т. д. При этом они отличаются явными признаками культового маскарада, у них чередуются особые виды головные уборы, наушники, искусственно увеличивающие уши, и т. д. Ясно, что эти грубоватые глиняные фигурки изображают исполнителей ритуальных действий, связанных с местными культами и группирующихся вокруг культа «великой местной богини».

При обозрении всей массы терракот Северного Причерноморья, собранной в этом томе свода, становится очевидной их большая научная значимость как особого вида исторических источников, отражающих духовную и художественную жизнь населения античных городов юга России в различные периоды их истории. В терракотовых статуэтках отразилась смена художественных и эстетических представлений, изменение стилей и сюжетов, степень интенсивности тех или иных культурных связей и влияний. Большое значение имеют терракоты как памятник художественного творчества, в малых формах сохранивший иногда образ утраченного в веках монументального произведения. Авторы статей этого свода показывают, что благодаря терракоте мы можем более или менее полно представить такие явления культурной жизни прошлого, как театр, его реквизит, актеров и любимых персонажей старой и новой комедии. Терракота сохранила нам бытовые сценки из частной жизни, в них отразились отношения между людьми, и потому она является своеобразным памятником жизни народа. Будучи наделенной всеми особенностями античной терракоты², статуэтки Северного Причерноморья обладают еще ценным своеобразием интереснейшей местной культуры, которая вначале находилась под влиянием античных центров Средиземноморья, но затем предстает как некий сплав греческих и варварских элементов. Значение последних, как известно, значительно возросло в поздние эпохи, и терракоты — выразительный памятник этого.

Из рассматриваемого свода мы видим, что терракоты являются показателем самобытного местного художественного ремесла; они отражают возникновение этого ремесла и его развитие в разных центрах, изменение технических приемов,

² Н. Н. Б р и т о в а, Греческая терракота, М., 1969, стр. 46, 126 и др.

уровень техники античного керамического производства. Ко всему этому следует добавить, что проведенный в своде анализ импорта терракот позволяет проследить торговые связи со средиземноморскими центрами и установить время возрастающего влияния, например, Атики, на экономическую и культурную жизнь городов Северного Причерноморья.

М. М. Кобылина в своей статье отмечает, что терракотовые статуэтки Северного Причерноморья связаны с античными поселениями, тогда как в скифских степях терракоты отсутствуют, хотя открыты богатые материалы по античному импорту³. М. М. Кобылина отмечает, что распространение терракот в поселениях Днестровско-Бугского и Днепровского лиманов — свидетельство вовлечения населения этих районов в круг влияния античной культуры. По мере варваризации и упадка античной культуры замирает и античная коропластика, хотя в новых условиях развиваются другие виды художественного творчества. Исходя из этого положения, она дает основные периоды в развитии терракот Северного Причерноморья, увязывая их с общей линией развития греческой терракоты. Так, М. М. Кобылина указывает, что в ранний период VI—V вв. до н. э. были распространены статуэтки, не отличавшиеся по сюжету и стилю от терракот, бытовавших в греческих городах. Это — привезенные переселенцами статуэтки обычных для архаического времени типов богинь и кабиров, и они были связаны с культом плодородия. На второй период — эпоху эллинизма — приходится расцвет местной коропластики, проникновение новых сюжетов, связанных с греческой жанровой терракотой и в то же время наблюдается широкое развитие местных типов. Поздний период I—II вв. н. э. отмечен варваризацией в стиле и типах терракот.

Изготовление терракот в Северном Причерноморье автор относит к концу VI в. до н. э. Первоначально статуэтки отжигались в привезенных формах, изображения получались в художественном стиле метрополии, но одновременно началось самостоятельное творчество керамистов. М. М. Кобылина считает наиболее интересными в Северном Причерноморье терракоты VI—V и IV—III вв. до н. э., когда местная коропластика достигла расцвета, период позднего эллинизма II—I вв. до н. э. с начавшимся процессом варваризации и терракоты I—II вв. н. э.

М. М. Кобылина разбирает также вопрос о многообразном назначении терракоты в античном мире, где первоначально они имели культовое значение, показывая, как вместе с развитием жанра в

греческой терракоте она становится в эпоху эллинизма украшением живых домов. Это же явление автор отмечает и в Северном Причерноморье. В отдельных сюжетах разбираемых терракот М. М. Кобылина видит отражение произведений монументальной скульптуры, подвергшихся переработке местного короппласта, или копирование путем снятия форм с рельефов и металлических сосудов. Разбирая историю терракот отдельных центров Северного Причерноморья, М. М. Кобылина останавливается на наиболее ярких особенностях тех или иных типов, оставляя подробную характеристику тому автору, который дает само описание терракот из этих центров. Такое распределение материала способствует полноте анализа самих памятников. Так, при рассмотрении ольвийских терракот, как показано в статье М. М. Кобылиной, возможно проследить развитие того или иного культа во времени, в частности ранний культ Кибелы, устойчивость культа Деметры, раннюю и большую популярность культа Аполлона, известного по прежним и новым лапидарным надписям⁴. В факте находок в Ольвии большого количества статуэток Диониса М. М. Кобылина усматривает широкое распространение здесь его культа. Она подчеркивает черты сходства в статуэтках Афродиты, Кибелы и Аттиса с аналогичными статуэтками из западнопонтийских городов и приводит другие факты, свидетельствующие о тесных связях северопонтийских и западнопонтийских городов. Как совершенно очевидно, подробный анализ ольвийских терракот, как и терракот из других центров, позволил сделать важные выводы относительно религии и культуры населения.

Так, о большом развитии в Херсонесе местного производства терракот и о его расцвете в IV—III вв. до н. э. говорит обилие найденных там свыше сорока терракотовых форм и опубликованных сравнительно недавно⁵.

Особое внимание М. М. Кобылина уделяет Пантикапею и отводит ему первое место по богатству типов терракот. В ранний период его истории в терракоте распространены образы богинь, связанных с культом земледелия и плодоносящего начала. Для эпохи IV—III вв. до н. э., когда наблюдается расцвет местного производства терракот Пантикапея, получают распространение статуэтки Кибелы, Диониса, часто встречаются сюжеты, свя-

⁴ Надписи Ольвии (1917—1965). Сб. под редакцией Т. Н. Книшовой и Е. И. Леви, М.—Л., 1968, стр. 56—62, № 55—65.

⁵ В. В. Борисова, Керамическое производство Херсонеса. Свод археологических источников, вып. Г4-20, 1966, стр. 13, табл. 5—10, 15.

³ Н. А. О на й к о, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э., САИ 1966. 1970 Д1—271—27.

занные с Гермесом, Эротом, Тюхе, а позже — с Меном и Аттисом. Сюда проникают также статуэтки Исиды и Гарпократа, характерные для Александрии. М. М. Кобылина подчеркивает богатство Пантикапея новыми типами терракот и их вариантов. Некоторое недоумение вызывает отнесение ею к местным произведениям терракотовой головки сагира из Фанагории, являвшейся частью фигурного сосуда III в. до н. э. М. М. Кобылина на стр. 15 данной статьи ссылается на публикацию Н. М. Лосевой. Но в этой публикации Н. М. Лосева утверждает, что как фанагорийская головка, так и вторая, аналогичная ей керченская, вопреки мнению Б. В. Фармаковского, считавшего, что она была привезена из Александрии, являются предметами малоазиатского экспорта⁶.

В IV—III вв. до н. э. возрастает значение жанра терракот, и среди боспорских терракот мы видим множество местных сюжетов — всадников, юношей со щитом, детей, играющих с собачкой или птицей, задрапированных женщин. В эпоху эллинизма, как показывает М. М. Кобылина, становятся более заметными различия в производстве терракот отдельных пунктов Северного Причерноморья. Однако Пантикапей и его изделия по-прежнему играют ведущую роль, они распространяются вплоть до Днепра, и боспорские сюжеты заимствуются королями Херсонеса, Прекрасной Гавани и Ольвии.

Можно указать еще на один пример широкого влияния боспорской короластики. Недавно при раскопках Пантикапея обнаружены некоторые оригинальные статуэтки II—I вв. до н. э., имеющие колоколовидный корпус, к которому присоединялись голова и ноги. Эти статуэтки следует определить как марионетки, среди них есть привозные и местные. Интересно отметить, что очень близкие типы встречены в Ольвии и в Херсонесе. Скорее всего в них следует видеть заимствованные из Пантикапея образцы или возможно одновременное проникновение — скорее всего из Малой Азии — подобных статуэток. Об этом говорит наличие совершенно одинаковых мужских усатых головок, найденных недавно в Пантикапее и в Херсонесе, изображающих, по-видимому, кельтов или галатов. Определенное разнообразие этих типов — для Ольвии и Херсонеса отмечены марионетки в виде воинов, для Пантикапея — воины, вероятно, наемники и спутники Диониса свидетельствует, воз-

можно, о тематике театральных представлений и в какой-то мере, очевидно, отражает ироническое отношение к этим типам и образам самого населения.

Сюжеты терракот показывают, отмечает М. М. Кобылина, что в первые века н. э. в культуру античных городов проникает римская культура. Появляются новые типы терракот. В Ольвии находят изображение орла — явный признак римской экспансии.

Мы не можем согласиться с М. М. Кобылиной в оценке известной статуэтки боспорского всадника, которую она считает новым типом бытовых терракот Пантикапея II в. до н. э., полагая, что этот сюжет развивается только на Боспоре. Однако ряд подобных статуэток местного происхождения был найден в Феодосии (ч. II, табл. 26, № 4), в Ольвии (ч. I, табл. 36, № 3), в Херсонесе (ч. II, табл. 16, № 1) и в Михайловке (ч. II, табл. 54, № 7), что свидетельствует о широком распространении этого нового сюжета не только в Пантикапее. Таким новым сюжетом для Херсонеса был образ варвара или примитивные изображения местной богини в виде вытянутой пирамидки. Последним близки фигурки богини, закутанной в покрывало, обнаруженные в Ялтинском святилище.

Варваризация культуры на Боспоре, отчетливо видная и в терракоте, сказала, как показывает М. М. Кобылина, не только в появлении новых сюжетов, но и новых технических приемов, особенно заметных на поздних статуэтках, когда искажено дается пропорции фигур и отсутствует правильность в передаче движения, так что все изображение получается плоскостным и схематичным.

Как видно из приведенных отдельных положений статьи М. М. Кобылиной, в ней на огромном материале дается яркая картина основных периодов и направлений в развитии терракоты в Северном Причерноморье.

К статье М. М. Кобылиной примыкают и другие статьи этого Свода, описывающие терракоты из отдельных центров. Эти статьи также показывают важность и значимость подобного рода источников в изучении духовной и материальной культуры античных городов Северного Причерноморья. В этих статьях, описывающих терракоты отдельных центров, полнота характеристики памятников зависела от того, была ли уже опубликована та или иная группа. В случае уже имеющейся публикации можно было сослаться на литературу, например, в статьях Е. И. Леви о терракотах Ольвии (стр. 33—34) или в статье Г. Д. Белова о херсонесских статуэтках (стр. 72—77). В тех случаях, когда материал не получил подробного освещения в литературе, автор давал более развернутую картину духовной культуры и местной религиозной жизни данного поселения.

⁶ Н. М. Лосева, Терракотовая голова сатира из Фанагории, МИА, № 57, 1956, стр. 179; Б. В. Фармаковский, Обломки статуэтки сатира из Керчи, ЗООИД, т. XXX, 1912, табл. I, рис. 1—6, 8; см. также ОАК за 1901 г., стр. 137, № 21, стр. 136, рис. 242, а—г.

Так сделано в статьях В. И. Пругло при описании терракоты из малых городов Боспора, например Мирмекия (стр. 96), где показано значение недавно открытого святилища IV в. до н. э., или в статье И. Т. Кругликовой о характере религиозной жизни III—IV вв. н. э. в сельских поселениях европейской части Боспорского государства, откуда происходят своеобразные лепные фигурки. Все статьи содержат точные указания относительно места происхождения той или иной статуэтки. И таким образом ареал их распространения получает совершенно определенные географические рамки.

Это особенно видно на примере описания терракот из округи Херсонеса, данном в статьях О. Д. Дашевской, А. Н. Щеглова, из городищ низовья Днестра — в статье И. В. Яценко и сельской территории Боспора — в статье И. Т. Кругликовой. Из этих статей становятся очевидными многообразные связи античных поселений друг с другом, и возникает вопрос, как, например, в статье И. Т. Кругликовой (I, стр. 106), об этнической общности поселений сельского типа в Европейской части Боспора.

Из самого факта территориального распространения терракот выясняется, как, например, в статье И. В. Яценко, что терракотовые статуэтки не проникли в быт основной массы сельского населения, окружавшего греческие центры (стр. 69). При выполнении местного культового обряда использовались совершенно другие примитивные изображения, обнаруженные И. В. Яценко при раскопках в скифских слоях III—II вв. до н. э.

Влияние местной культуры на античную отмечает в своей статье И. Б. Клейман, указывая на синкретический характер религиозных представлений населения Тирь. Он приводит статуэтку богини в длинном одеянии из овечьей шкуры, переданной особыми, довольно примитивными средствами. Упомянув о четырех формах и двадцати пяти фрагментах статуэток, обнаруженных при раскопках Тирь, которые отражают культурные связи с понтийскими и западнопонтийскими античными центрами, И. Б. Клейман подчеркивает наибольшее своеобразие типов среди местных статуэток (стр. 25) и определяет их как следствие переработки греческих сюжетов и типов.

Весьма ценно в рассматриваемых статьях выяснение импортного или местного происхождения терракоты. В ряде ста-

тей даны характеристики типов статуэток, привезенных из крупных центров античной короластики — Атики, Коринфа, Танагры и Мирини. Много редких сюжетов прослежено в терракотах Ольвии и Березани, например, статуэтка богини в образе медведицы или минотавр, приведенные в статье Е. И. Леви. Яркие образцы беотийской короластики представляют женские статуэтки из Феодосии или статуэтки из Мирини и Афин, открытые в Херсонесе.

К числу достоинств рецензируемого издания следует отнести публикацию самих форм для изготовления терракот. Однако в виде пожелания к следующему тому хочется сказать о целесообразности более полной публикации таких форм. В первом томе свода их приведено все-таки немного. Возможно, это явилось следствием того, что в недавно вышедшем своде памятников керамического производства из античных городов юга России⁷ довольно подробно были опубликованы формы из Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Кеф, Фанагории и Горгинии. Но формы Тирь, например, совсем не отражены, хотя в рецензируемом томе свода упоминаются четыре формы и дано описание двух из них. Недоумение вызывает отсутствие каталога к пяти терракотам Неаполя Скифского (ч. II, табл. 57, № 4—8). В указание на хранение в ГМИИ всех пяти керамических фигурок из Неаполя Скифского вкралась неточность. В ГМИИ поступило только две из приведенных пяти на стр. 119.

В заключение мы должны еще раз сказать, что выход первого тома свода следует считать большой удачей коллектива авторов, сумевших на анализе терракоты поставить важные научные проблемы. Крайне желательно поэтому скорейшее опубликование второго тома, содержащего половину свода античных терракот Северного Причерноморья. Во вторую книгу этого издания должны войти статуэтки Пантикапея и городищ Тамани — Фанагории и ее округи, Кеф, Тирамбы, Гермонассы, Горгинии.

И. Д. Марченко

⁷ Свод археологических источников. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Под общей редакцией академика Б. А. Рыбакова. Ответственный редактор И. Б. Зеест, вып. Г1-20. 1966 г.